

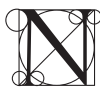
*Mr.
Mercedes*

**СТИВЕН
КИНГ**

Stephen King

**МИСТЕР
МЕРСЕДЕС**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Кинг: книжная полка»

Stephen King
MR. MERCEDES

Перевод с английского *В. Вебера*

Художник *А. Фerez*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Мистер Мерседес: [роман] / Стивен Кинг; [перевод с английского В. Вебера]. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 432 с. — (Кинг: книжная полка).

ISBN 978-5-17-145401-2

Восемь убитых и пятнадцать раненых на счету бесследно исчезнувшего убийцы, протаранившего на «мерседесе» ни в чем не повинных людей...

Стивен Кинг написал триллер, который заставит вас в ужасе оглядываться на каждый проезжающий мимо «мерседес» и совершенно по-другому смотреть на людей, с которыми вы сталкиваетесь каждый день.

Кто знает, какие жуткие тайны скрываются за соседней дверью и кто хочет свести счеты именно с вами?..

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 2014
© Перевод. В. Вебер, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРЫЙ «МЕРСЕДЕС»	9
ДЕТПЕН	21
«ПОД СИНИМ ЗОНТОМ ДЕББИ»	87
ОТРАВЛЕННАЯ ПРИМАНКА	159
ЗОВ МЕРТВЫХ	237
ПОЦЕЛУИ НА МИДВЕЕ	315
СИНИЙ «МЕРСЕДЕС»	421
ОТ АВТОРА	430

С мыслями о Джеймсе М. Кейне

*Из грузовика с сеном меня выбросили около полудня...**

* Начальная фраза романа «Почтальон всегда звонит дважды» Джеймса М. Кейна. — *Здесь и далее примеч. пер.*

СЕРЫЙ
«МЕРСЕДЕС»

9–10 апреля 2009 г.

Оги Оденкерк обычно ездил на «датсуне» 1997 года выпуска, который, несмотря на большой пробег, никаких хлопот по части ремонта ему не доставлял, но бензин стоил дорого, особенно для безработного. Городской центр находился в дальней части мегаполиса, поэтому Оги решил воспользоваться последним автобусом. Вышел из него в двадцать минут двенадцатого, с рюкзаком за плечами и скатанным спальником под мышкой. Подумал, что в три часа утра похвалит себя за пуховый спальник. Ночь выдалась туманной и холодной.

— Удачи, парень, — пожелал водитель, когда Оги выходил из автобуса. — Ты должен что-нибудь получить хотя бы за то, что будешь первым.

Только первым не вышло. Добравшись до гребня широкой, круто поднимавшейся дороги, которая вела к Городскому центру, Оги увидел у дверей большого зала Центра не меньше двух десятков человек: кто-то сидел, другие стояли. Стойки, соединенные желтыми лентами с надписями «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ», уже расставили, создав сложный, петляющий проход, похожий на лабиринт. Оги с подобным уже сталкивался, как в кинотеатрах, так и в банке (где он в настоящий момент превысил лимит по кредитной карточке), и понимал, зачем это нужно: чтобы разместить как можно больше людей в ограниченном пространстве.

Оказавшись в конце состоявшей из соискателей очереди, которой скоро предстояло превратиться в анаконду, Оги удивился и смутился, увидев, что перед ним женщина с младенцем, спящим в слинге. Щечки младенца покраснели от температуры, в каждом вдохе слышался хрип.

Женщина услышала приближение запыхавшегося Оги и обернулась. Молодая и симпатичная, несмотря на темные мешки под глазами. У ее ног стояла стеганая сумка. Наверняка с детскими вещами, предположил Оги.

— Привет, — поздоровалась она. — Добро пожаловать в Клуб ранних пташек.

— Надеюсь, нам удастся ухватить червячка. — Не долго думая он протянул руку. Почему нет? — Огаст Оденкерк. Оги. Недавно уценен. В двадцать первом веке это означает, что меня турнули с работы.

Она пожала его руку. Крепко, твердо, без всякой застенчивости.

— Я Дженис Крей, а эта маленькая котомка радости — Патти. Наверное, я тоже уценена. Работала прислужкой в одной милой семье в Шугар-Хайтс. Он... гм... ему принадлежал автомобильный салон.

Оги поморщился.

Дженис кивнула:

— Я знаю. Он сказал, что очень сожалеет, отпуская меня, но они должны потуже затянуть пояса.

— Такое здесь сплошь и рядом, — ответил Оги, подумав: *Неужели она никого не смогла найти, чтобы посидели с ребенком? Неужели никого?*

— Мне пришлось взять ее с собой. — Ей не требовалось уметь читать мысли, чтобы догадаться, о чем он думает. — Ни с кем не смогла оставить. Просто не с кем. Девушка, которая живет по соседству, не осталась бы на всю ночь, даже если бы я могла заплатить, а я не могу. Если не получу работу, просто не знаю, что мы будем делать.

— Ваши родители не могли ее взять? — спросил Оги.

— Они живут в Вермонте. Будь я поумнее, отвезла бы Патти туда. Там хорошо. Только у них свои проблемы. Папа говорит, что их дом ушел под воду. Не в прямом смысле, его не затопило или что-то в этом роде, а по части финансов.

Оги кивнул. Такое тоже случилось сплошь и рядом.

Несколько автомобилей поднялись по крутому склону со стороны Мальборо-стрит, где Оги вышел из автобуса. Повернули налево, на огромную и пока еще пустую равнину автостоянки, которая, Оги знал наверняка, заполнится к рассвету... задолго до от-

крытия Первой ежегодной городской ярмарки вакансий. Все автомобили сошли с конвейера давным-давно. Из каждого вылезло по три-четыре соискателя, направившихся к дверям зала Городского центра. Оги давно уже не замыкал очередь. Она почти добралась до первого изгиба, образованного стойками и лентой.

— Если я получу работу, то смогу нанимать няню, — продолжила Дженис. — Но не на эту ночь. Ее нам с Патти придется провести здесь.

Малышка сухо закашлялась, встревожив Оги, шевельнулась в слинге, снова затихла. По крайней мере девочку тепло одели: даже на ручках крохотные варежки.

Детям и похуже приходится, без должной уверенности сказал себе Оги. Подумал о Пыльном котле, Великой депрессии. Что ж, этот кризис для него тоже тянул на великий. Два года назад он ни на что не жаловался. Разумеется, жил не на широкую ногу, но концы с концами сводил, и почти каждый месяц удавалось немного откладывать. Теперь все полетело в тартарары. С деньгами что-то произошло. Он этого не понимал, работал в экспедиционном отделе «Грейт лейкс транспорт» — офисный планктон, ничего больше, — занимался накладными и использовал компьютер только затем, чтобы отправить грузы кораблем, поездом или по воздуху.

— Люди увидят меня с ребенком и подумают, что я безответственная, — тревожилась Дженис. — Я это знаю. Уже вижу на их лицах то, что прочитала на вашем. Но что еще мне оставалось? Даже если бы девушка-соседка смогла остаться на ночь, мне бы это обошлось в восемьдесят четыре доллара. *Восемьдесят четыре!* У меня отложены деньги на квартиру за следующий месяц, а больше нет ни цента. — Она улыбнулась, но в свете ярких натриевых фонарей автостоянки Оги увидел блестящие на ресницах слезы. — Я слишком много болтаю.

— Если вы пытаетесь извиниться, то это лишнее. — Очередь миновала первый изгиб и подошла к тому месту, где стоял Оги. И девушка говорила чистую правду. Многие глазели на малышку, спавшую в слинге.

— Да ладно. Я незамужняя мать-одиночка без работы. Хочу извиняться перед всеми и за все. — Она отвернулась и посмотрела на транспарант, натянутый над дверьми. «1000 РАБОЧИХ МЕСТ ГАРАНТИРОВАНА!» — гласила надпись большими буквами. «*Мы под-*

держиваем жителей нашего города!» — сообщали буквы поменьше. Указали и автора цитаты, снова большими буквами: «МЭР РАЛЬФ КИНСЛЕР». — Иногда я хочу извиняться и за «Колумбайн», и за «девять-одиннадцать», и за Барри Бондса, принимавшего стероиды. — С ее губ сорвался истеричный смешок. — Иногда хочется извиняться даже за взрыв шаттла, но я только училась ходить, когда это произошло.

— Не волнуйтесь, — заверил ее Оги. — Все будет хорошо. — Это прозвучало вполне к месту.

— Жаль только, что так сыро, вот и все. Я ее тепло одела, на случай если действительно похолодает, но сырость... — Дженис покачала головой. — Мы прорвемся, правда, Патти? — Она одарила Оги беспомощной улыбкой. — Только бы дождь не пошел.

Дождь не пошел, но влажность увеличивалась, и вскоре они уже видели капельки, висевшие в ярком свете фонарей. В какой-то момент Оги осознал, что Дженис Крей спит стоя. Она чуть согнула одну ногу, ее плечи поникли, мокрые волосы прилипли к лицу, подбородок уткнулся в грудь. Оги посмотрел на часы: без четверти три.

Десятью минутами позже Патти Крей проснулась и заплакала. Ее мать (*Мать-одиночка*, подумал Оги) дернулась, всхрипнула, совсем как лошадь, подняла голову и попыталась вытащить малышку из слинга. Сначала не получилось: ножки застряли. Оги пришел на помощь, придержал слинг с боков. Когда Патти все-таки вытащили, она уже вопила, и Оги заметил капельки воды, поблескивавшие на ее розовой курточке и шапочке такого же цвета.

— Она голодна, — пояснила Дженис. — Я могу дать ей грудь, но малышка еще и мокрая. Я это чувствую через штанишки. Господи, здесь ее не переоденешь... Посмотри, какая морось.

Оги задался вопросом, какой божок-шутник привел его в очередь следом за ней. Да и как эта женщина намеревалась прожить оставшиеся ей годы — все, а не только следующие восемнадцать, которые предстояло заботиться о ребенке? Прийти сюда в такую ночь с одной лишь пачкой подгузников! Попасть в столь отчаянное положение!

Спальник он еще раньше пристроил рядом с сумкой, в которой лежали подгузники Патти. Оги присел, развязал тесемки, расстелил спальник, расстегнул молнию.

— Залезай в него. Согреетесь обе. Потом я передам тебе все, что потребуется.

Она всмотрелась в него, прижимая к груди извивающуюся, вопящую малышку.

— Ты женат, Оги?

— Разведен.

— Дети?

Он покачал головой.

— Почему ты так добр к нам?

— Потому что вы здесь, — ответил он, пожав плечами.

Она еще мгновение не отрывала от него взгляда, решаясь, потом передала ему малышку. Оги держал ее на вытянутых руках, зачарованный красным, разъяренным личиком, капелькой сопли, повисшей на вздернутом носике, ножками во фланелевом комбинезоне, пребывающими в непрерывном движении. Дженис залезла в спальник, протянула руки.

— Давай ее сюда.

Оги отдал, и женщина уползла в спальник. Позади, там, где очередь уходила ко второму изгибу, двое молодых людей таранились на них.

— Увидели что-то интересное? — бросил Оги, и они отвернулись.

— Дашь мне подгузник? — спросила Дженис. — Я хочу переодеть ее перед кормлением.

Он опустился на колено на мокрую мостовую, расстегнул сумку. Удивился, найдя марлевые подгузники вместо памперсов, потом понял: марлевые могли использоваться снова и снова. Может, эту женщину не стоило совсем уж списывать со счетов.

— Тут бутылочка «Бэби мэджик». Достать?

Из спальника торчали только каштановые волосы.

— Да, пожалуйста.

Он передал подгузник и лосьон. Спальник зашевелился. Поначалу крики усилились. Откуда-то из терявшейся в тумане очереди донеслось:

— Неужели нельзя заткнуть ребенку рот?

Тут же послышался другой голос:

— Кто-нибудь, вызовите службу социальной защиты.

Оги ждал, наблюдая за спальным мешком. Наконец шевеления прекратились. Появилась рука с подгузником.

— Положишь в сумку? Там есть пластиковый мешок для грязных подгузников. — Дженис смотрела на него, как крот из норы. — Не волнуйся, он не испачкан, только мокрый.

Оги взял подгузник, положил в пластиковый мешок с надписью «КОСТЮ», затем застегнул сумку на молнию. Плач из спального мешка (*Так много мешков*, подумал он) доносился еще с минуту, потом резко оборвался: Патти принялась сосать грудь на автостоянке у Городского центра. Над дверьми, до открытия которых оставалось шесть часов, от порыва ветра апатично колыхнулся транспарант с надписью «1000 РАБОЧИХ МЕСТ ГАРАНТИРОВАНА!»

Конечно, подумал Оги. *И СПИДом не заболеешь, если горстями жрать аскорбинку.*

Прошло двадцать минут. Новые автомобили подъезжали со стороны Мальборо-стрит. Все больше людей присоединялось к очереди. Оги прикинул, что в ней уже стояло человек четыреста. И по самым скромным оценкам выходило, что к моменту открытия ярмарки вакансий здесь будет стоять две тысячи безработных.

Если мне предложат жарить бургеры в «Макдоналдсе», я соглашусь?

Вероятно.

Как насчет зазывалы в «Уол-марте»?

Наверняка. Широкая улыбка и вопрос: «Как поживаете сегодня?» Оги подумал, что за эту работу он бы схватился обеими руками. Помчался бы на смену прямо из Городского центра.

Общение с людьми — это мое, подумал он. И рассмеялся.

— Что смешного? — донеслось из спальника.

— Ничего, — ответил он. — Корми малышку.

— Этим я и занимаюсь. — В голосе Дженис слышалась улыбка.

В половине четвертого он присел, приподнял клапан спального мешка, заглянул внутрь. Дженис Крей, свернувшись калачиком, крепко спала с малышкой у груди. Ему сразу вспомнились «Гроздь гнева». Как звали девушку из романа? Ту, что кормила грудью мужчину? Имя-цветок, подумал он. Лилия? Нет. Жасмин? Точно нет. Он уже собрался сложить руки рупором у рта и громким голосом спросить толпу: «КТО ЗДЕСЬ ЧИТАЛ «ГРОЗДЬ ГНЕВА»?»

И когда поднимался (улыбаясь этой абсурдной мысли), имя выплыло из глубин памяти. Роза. Так звали девушку в «Гроздьях гнева». И не просто Роза, а Роза *Сарона*. В этом слышалось что-то библейское*, но утверждать он не мог, поскольку не входил в число читателей Библии.

Оги посмотрел на спальный мешок, где собирался провести предрассветные часы, и подумал о Дженис Крей, которой хотелось извиняться за «Колумбайн», и за 9/11, и за Барри Бондса. Возможно, она согласилась бы извиниться и за глобальное потепление. Может, когда все закончится и они получают обещанную работу — или не получают, шансы примерно одинаковые, — он пригласит ее на завтрак. Не на свидание, ничего такого, просто на яичницу с беконом. А после этого они скорее всего больше никогда не увидятся.

Люди подходили и подходили. Очередь уже полностью заполнила изгибы лабиринта из лент с надписями «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ», а потом принялась растягиваться по автомобильной стоянке. Что удивляло — и тревожило — Оги, так это *молчание* всех этих людей. Словно они заранее знали, что их приход сюда — напрасный труд. И дожидались только официального подтверждения.

Послышался очередной хлопок транспаранта.

Туман все сгущался.

Около пяти утра Оги очнулся от полудремы, потопал, чтобы разбудить ноги, и осознал, что воздух пронизывает неприятный серый свет, разительно отличавшийся от «розовых пальчиков зари», которыми славилась поэзия и старые цветные фильмы. Он тянул на антизарю, влажную и такую же белую, как щека несвежего трупа.

Оги видел Городской центр, медленно выплывавший из ночи во всем великолепии архитектурной безвкусицы семидесятых годов прошлого века. Видел двенадцать рядов терпеливо ждущих людей, а хвост очереди уползал в туман. Почти все молчали, но появление уборщика в сером комбинезоне, который пересек вестибюль по другую сторону дверей, не осталось без внимания.

— На других планетах открыта жизнь! — насмешливо крикнул один из двух парней, которые таращились на Дженис Крей. Его

* «Я нарцисс Саронский, лилия долин» (Книга Песни песней Соломоновых, 2:1).

звали Кит Фрайас, и в недалеком будущем он останется без левой руки.

Шутка вызвала смех, пошли разговоры. Ночь закончилась. Наползавший свет не сильно радовал, но оставшиеся позади долгие предрассветные часы были куда хуже.

Оги вновь опустился на колени у спальника и прислушался. Тихое размеренное сопение вызвало у него улыбку. Может, он зря волновался за девушку. Оги догадывался, что есть люди, выживающие — а то и процветающие — благодаря доброте незнакомцев. Возможно, к таковым относилась и молодая женщина, которая вместе с малышкой сейчас посапывала в его спальном мешке.

Ему в голову пришла мысль: к столам, за которыми будет проводиться собеседование, они могли подходить вдвоем. И тогда присутствие малышки уже не покажется безответственностью, а будет символизировать совместную заботу. Он не мог этого утверждать, человеческая душа — потемки, но чувствовал, что такое возможно. Решил поделиться этой идеей с Дженис, когда та проснется. Хотелось посмотреть, как онаотреагирует. Они не могли представляться мужем и женой: она обручального кольца не носила, он свое уже три года как снял, — но могли сказать, что они... как это теперь называется? В гражданском браке.

Автомобили продолжали взбираться один за другим по крутому склону с Мальборо-стрит. Скоро следовало ожидать и пешеходов, приехавших на первом утреннем автобусе. Оги вроде бы припоминал, что автобусы начинали ходить в шесть утра. Из-за густого тумана от прибывающих автомобилей оставались только лучи фар да расплывчатые силуэты за ветровым стеклом. Некоторые, увидев огромную толпу, разворачивались, потеряв надежду, но большинство следовало в глубь автостоянки в поисках оставшихся свободных мест, и свет задних фонарей медленно таял в тумане.

Потом Оги заметил силуэт автомобиля, который не развернулся, но и не проследовал в глубины автостоянки. Рядом с необычайно яркими фарами светились желтые противотуманные.

Ксеноновые фары, подумал Оги. Это же «мерседес-бенц». Что делает «бенц» на ярмарке вакансий?

Он предположил, что это, возможно, мэр Кинслер приехал, чтобы произнести речь перед Клубом ранних пташек. Поздравить их с предприимчивостью, свойственным американцам старым